

18+ Илья Бровтман

Каштан

Избранная лирика



Илья Бровтман

Каштан. Избранная лирика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55345646

ISBN 9785449884572

Аннотация

Самое святое и прекрасное чувство – это любовь. Сколько перьев сломано поэтами всех эпох, чтобы воспеть это чудо. От этого волшебства рождается всё на земле, в том числе и сам человек. Слова любви никогда не иссякнут, а песни влюблённых не умолкнут. В этой книге собраны лирические произведения разных лет.

Содержание

Вместо предисловия	7
Магия поэзии	7
Сбалансированность бытия	10
Боль сердца	13
Посвящение	15
Грёзы	16
Грёзы и реальность	16
Храм Афродиты	17
В царстве Феба	18
Звёздочка	20
Аромат розы	21
Выпускной бал	23
Часы на стене	26
Водопад любви	28
Стрела Амура	29
Шоколадка	30
Качели	32
Явь и сон	33
Голубка	34
Светило	35
Земляника	36
Чёрный и белый	37
Любовь цыганки	39

Ожидание?	41
Последняя дорожка	42
Страница в книге жизни	43
Перо жар-птицы	44
Первый бал	45
Прекраснейшая роза	47
Я жду тебя	49
Два голубя	50
В океане зла	51
Молоденькая тучка	52
Связь веков	53
Рождение	53
Жёлтая луна	55
В стране глухих	57
Одинокая берёза	58
Свалка	59
Наша половина	60
Вкус плодов	61
Лестница жизни	62
Открытая клетка	63
Март	65
Я дарю тебе надежду	67
Я готов бетон поцеловать	68
Ожидание весны	69
Зеркало	70
Умение любить	71

Покой любимой	72
Лук и стрела	73
Парусник в океане	74
Твой сон	75
Маленькая пчелка	77
Нетленный алмаз	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Каштан
Избранная лирика

Илья Бровтман

© Илья Бровтман, 2020

ISBN 978-5-4498-8457-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Магия поэзии

Стихи я писал всегда. Я писал не потому, что мог писать, а потому, что не мог не писать. Для меня стих был другом, которому, я мог доверить самые сокровенные мысли. Бывали времена, когда он был единственным другом. Единственный способ отделаться от навязчивой мысли – это положить ее на рифму. После этого она перестает беспокоить. Позднее, читая свои стихи, я вспоминал свои мысли и обстоятельства, при которых стихи были написаны. Так, что они одновременно являлись еще и дневниками. Наконец пришло желание опубликовать свои стихи. Лучше всего такое желание можно объяснить в тех же стихах.

Когда заката ляжет тень,
Прощаемся со светом.
Но знаем мы, что новый день,
Нас озарит рассветом.

Когда приходит смертный час,
Нам нечего желать.
Ведь солнца бег и бога глас,
Не повернуть нам вспять.

И все же хочется любить,
Вернувшись на рассвете.
Чтоб мы опять смогли прожить,
В делах, стихах и детях.

Мне все легче говорить стихами. Например, почему я назвал свой сборник «Каштан».

Когда каштан на землю упадет,
То кожура на части разлетится.
Чтоб сохранить – сорви созревший плод,
И остороженько возьми как птицу.

Каштан не извлекая изнутри,
С мольбою стань как в церкви на колени,
И об асфальт легонечко потри.
Он станет мягким шёлковым шагреном.

Вот так и сердце. Хватающим рукой,
Колючками оно в ладонь воткнется.
Погладь и поцелуями покрой —
Растает вмиг и трепетно забьётся.

Магия поэзии в параллелях, когда удается провести параллель между двумя не связанными между собой явлениями. Ты говоришь об одном, а думаешь о другом. И тогда читатель может увидеть в стихе то, что его беспокоит. Это

может быть не то, о чем ты писал и не то, о чем думал, ведь параллелей может быть много. Жизнь протекает, по каким то глобальным законам, которые мы можем не знать, но они могут проявляться по-разному. В этом и есть магия поэзии.

Сбалансированность бытия

Как пример могу привести размышления о сбалансированности бытия. По моим наблюдениям люди делятся на два вида: энергетические доноры и энергетические вампиры. Эти два понятия имеют разную эмоциональную окраску, но я не вкладываю в слово вампир ничего отрицательно-го. Это просто люди, которые по своей природе настроены на потребление душевной энергии, также как донорам доставляет наслаждение, когда они этой энергией могут с кем-то поделиться. Вампиры так же нужны, как и доноры, ведь кто-то должен энергию потреблять. Гармония в обществе наступает тогда, когда энергия доноров и потребности вампиров сбалансированы. Это общие размышления, которые могут привести и к мыслям о миграции, ведь это нарушает энергетический баланс, и к мыслям о границах и визах, которые не позволяют этот баланс уравнивать по законам о сообщающихся сосудах. Но я не ставлю задачу о философском развитии этой темы, а только хочу сформулировать ее для себя.

Кто брать привык все на пути,
Тот руку дружбы не предложит.
И будто надпись на груди:
– Рожденный брать, давать не может.

Он кровь других сосёт в запой,
Вцепившись в шею мертвой хваткой.
А мне назначено судьбой
Отдать всю душу без остатка.

Да! Донорство меня пьянит.
Я кровь свою дарю с любовью,
И счастлив, если кто-то сыт,
И в стельку пьян моею кровью.

В развитии энергетической теории приходишь к моменту, когда донор должен откуда-то черпать энергию, и тогда приходят в голову такие строки.

Я рассказать хочу балладу,
Не о сокровищах Рескатора.
Не про Афины и Элладу,
А о судьбе аккумулятора.
Он молод был, и жизнь кипела,
Энергия на клеммах пела.
Трамблёр с ним кланялся с почтением,
А свечи с трепетным волнением.
И генератор, друг мой милый,
О нем заботился всегда.
Ему на долгие года,
Давал энергию и силу.
Он мог пятнадцать раз на спор
Крутить любимый свой стартёр.

Но вот прошли ампер-часы.
Ничто не вечно под луной.
Качнулись сил его весы.
Проситься стал он на покой.
Электролитные кручины-
Слоиться начали пластины.
И в банках, чья же тут вина,
Легла сульфата седина.
И все забыли об убогом,
Друзья, поклонники, враги.
Все прощены ему долги.
Готов предстать он перед Богом.
Он стар и немощен на вид,
На куче мусора лежит.

Боль сердца

Составлять рифмы совсем не сложно, если знаешь о чем писать. Поэт немножко философ и в каждый стих он вкладывает частицу своих взглядов. Ещё один пример. В минуты тяжелых испытаний и потери близкого человека, у меня возникло ощущение, что огромное чувство любви уничтожает сердце, а сохранить себя можно только ценой очерствения.

Стучат куранты как сердца.
В них ощущается усталость.
Уже недолго до конца
Сосульке плавиться осталось.

Тепло любви и жар потерь
Сосульку превращают в лужу.
А сохранит ее метель,
Седой мороз и злая стужа.

Быть может кто-то предпочтёт,
Не раздавать себя капелью.
А я хочу под Новый год
Судьбу свою вручить апрелю.

Не мудрено прервать полёт.
Сосулька жить желает тоже.
Как страшно таять в Новый год,

Но теплота любви дороже.

В этом сборнике я печатаю те стихи, которые прошли самую суровую цензуру. Сердце той, которая является самым близким мне человеком – моей жены. Без неё не было бы многих из них. Она моя муза, моя опора в жизни. Нас делают жёны, а мы делаем их. Это постоянный процесс трансформации. И эту книгу я посвящаю своей жене Марине в день её славного юбилея. Четыре десятилетия пройдено с ней рука об руку. Я включил в сборник те стихи, которые мне особенно нравятся. Надеюсь, они понравятся и читателю и Ей.

Посвящение

Пусть накроет покрывалом
Осень. Потеплели краски.
Звёзды светятся устало,
Дней и лет, пройдя немало,
Руки ждут и ищут ласки.
Ангельским искриться светом
Взор любимой половинки.
Льётся в сердце дар поэта.
Я отметил книжкой этой
Юбилей своей Маринки

10 октября 2020 года.

Грёзы

Грёзы и реальность

В руках, сплетённые в букет,
Склонили головы тюльпаны.
Лучился тёплый нежный свет
Из серых глаз твоих желанных.

Раскрылись губы как бутон,
Маня медовым ароматом.
Сердца стучали в унисон,
Виски им вторили набатом.

По небу звёзды распластав,
Ночь серебрилась лунным светом.
И только жаркие уста
Реальны были в мире этом.

Храм Афродиты

Слова любви стократно повторю,
Её врата передо мной открыты.
В священный храм богини Афродиты
Войду, чтоб прикоснуться к алтарю.

Но на Олимпе Зевс и Посейдон
По новому обряду правят мессу,
А тень от Артемиды и Гермеса
От Феба заслоняет небосклон.

Пронёсся Арес с криком и огнём
Близ Пафоса по горам и долинам.
Святилище любви лежит в руинах
И вороны блаженствуют на нём.

Нам не найти дороги в этот храм
Пока любовь рабыня вожделения.
В стремлении к чудесному мгновенью
Мы молимся неправильным богам.

В царстве Феба

Манят ворота царства Феба.
Передо мной чудесный вид.
Смотрю как в голубое небо
В твои глаза, а в них горит

Неугасимая с годами
Волна неистовых страстей.
Ты мечешь молнии очами,
Даря огонь, как Прометей.

Два одинаковых мгновенья
Не жди: то бурная река
Несёт лавину впечатлений,
То слышен шелест мотылька.

Вдруг взор твой затуманит горе,
И потемнеет водоём.
Но снова озарится море,
Бушуя в имени твоём.

Весь мир отцвечен ярким светом,
Струящимся из-под ресниц.
И у влюблённого поэта
Удел один – склониться ниц.

Припасть горячими устами,
Вдыхая нежный аромат
Тех трав и мхов, где ты ногами
Ступала пять минут назад.

Звёздочка

Время не может вылечить горе.
Горечь утраты давит на грудь.
Память кинжал свой, с разумом споря,
В сердце поглубже хочет воткнуть.

Душу заштопать трудно заплаткой.
Капля за каплей падает кровь.
С огненным шаром в левой лопатке
Сладить способна только любовь.

В мире не меньше белого света
Если погасла где-то звезда,
Но для кого-то звёздочка эта
На небосклоне будет всегда.

Аромат розы

Ты словно роза расцветала.
Горел румянец на щеках.
Скользнуло на пол покрывало,
Как луч рассветный на лугах.

Четыре розовые точки
На теле, нет прекрасней мест —
Пупочек, губки и сосочки
Зарделись на тебе как крест.

И я крестил тебя перстами.
Направо, вверх, налево, вниз.
А ты горячими устами
Меня манила в Парадиз.

Твои глаза шептали: – можно.
Сердца стучали в унисон.
Я погрузился осторожно
В раскрытый розовый бутон.

Глотал живительную влагу
Из родника запоем я.
Стекала как хмельная брага
Любви горячая струя.

Росинками искрились слёзы,
Как бриллианты в сто карат.
Я пил нектар прекрасной розы,
Вдыхая сладкий аромат.

Выпускной бал

Янтарным стало небо на закате.
Искрятся звёзды – слуги при луне.
Сиреневое шёлковое платье
Топорщится немного на спине.

Июньский вечер, шумною толпою
На выпускной шагаем. Школьный пир.
Уже настало время непростое
Прощанья с детством. Здравствуй взрослый мир.

Казалось школа нам как мать родная.
Сидели мы за партой десять лет.
Трудились, знания как цветы срывая,
И, наконец, должны собрать букет.

Гремели барабаны, пели скрипки.
Тарелок звон ещё в ушах стоял,
А девичьи счастливые улыбки
Невольню украшали этот бал.

Они уже почти не слышат пенье.
Но знаю я, что вытянут билет.
Еще немного и немые тени,
Скользнут к реке, что бы встречать рассвет.

Река плескалась ласково волнами,
А я ныряла в девичью мечту.
Заря уже забрезжила пред нами,
У ночи, отнимая темноту.

Померкли звуки, струны умолкают.
Растаял класс, и спать легла гармонь.
И мне, мечты и мысли прерывая,
Легла на руку тёплая ладонь.

Юнона путь дорогу освещала,
Даря блаженство и покорность нимф.
Сердечко сразу биться перестало,
Я таяла снежинкой перед ним.

Пленили сердце сказочные звуки,
Растаяли на бёдрах кружева,
К груди коснулись ласковые руки.
Катились в уши нежные слова.

Раскрыла губы жажда поцелуя.
Амур меня проткнул своей стрелой.
Стучало сердце, радостно ликуя,
Стремясь взлететь на крыльях над скалой.

Накал страстей вдруг оборвался разом.
Его рука повисла словно плеть,
Едва из уст в песок скатилась фраза
О том, что сердце попыталось петь.

Рвалось из платья огненное тело.
Глоток любви жёг изнутри как грог.
Амуру я тихонько песню пела.
Заря на небе призрачном алела,
Моя натура для любви созрела,
И взрослый мир лежал у женских ног.

Часы на стене

Сплелись ладони на спине.
Обнялись двое.
Часы ожили на стене
Полночным боем.

На белоснежной простыне
Два юных тела.
В часах кукушка на стене
Для них пропела.

Взяв эстафету у весны,
Вставало лето.
Кукушка спела у стены
Им два куплета.

Сердца стучали в тишине
В горячем теле.
Часы им оду на стене
Три раза спели.

Горели губы как в огне
В плену экстаза.
Часы пробили на стене
Четыре раза.

Они цветные видя сны,
Дышали ровно.
Часы смотрели со стены
На них безмолвно.

Водопад любви

Меня, обвив как виноград,
Ты словно вытекла из платья.
И понеслась как водопад
В мои горячие объятия.

Твоя молочная река
В своем кисельном обрамлении,
Струилась на моих губах,
Дрожа в руках от вожделения.

Уста как сладкое вино
В сосуде первого причастия
Я пил, пока текло оно,
Хотя давно был пьян от счастья.

Стрела Амура

Стрела мне проникала в вену,
Маня словами на Парнас.
Русалку, превращалась в пену.
Стрела несёт любовь подчас.

Когда в руках у Купидона
Мелькает лук, и тетива
Ты превращаешься в Мадонну,
И я молчу – к чему слова.

Эвтерпы взор глядит с упрёком.
Умолкли лира и авлос.
Слова пропали ненароком,
И я молчу во власти грёз.

К чему слова когда лучится
В душе не гаснувший огонь.
И сердце сжала, словно птицу
Твоя горячая ладонь.

Шоколадка

Я вспоминаю сладкую балладу.
Случилось это как-то поутру.
Ты твёрдая как плитка шоколада.
Тебя я в руки бережно беру.

Обёртку осторожно разрываю,
И начинаю шелестеть фольгой.
Твой сладкий вкус невольно предвкушаю,
Поглаживая тёплой рукой.

Я мог бы отломать тебя кусочек,
Но я тебя желаю целиком.
Обёртки верхней красочный листочек,
Я мигом превратил в бумажный ком.

Фольгу твою легонько раздвигаю,
И слышу твой пьянящий аромат.
Её кусочек быстро отрываю.
Я к шоколаду прикоснуться рад.

Но я не прикоснусь к тебе губами,
Пока не обнажу тебя совсем.
Потом возьму горячими руками.
Неторопливо по кусочку съем.

Вот вся фольга по комнате летает,
Вся в рваных клочьях, скомканных кусках.
Тебя я на ладонях поднимаю,
И ты в моих подтаяла руках.

Мы в шоколаде никогда не тонем,
Хотя наверно каждый был бы рад.
Ты на зубах, на пальцах, на ладонях,
И на губах есть тоже шоколад.

Тебя кусать я больше не сумею.
Ты превратилась в жидкий, сладкий ком.
На свете нету ничего вкуснее,
И я тебя касаюсь языком.

На языке пленительно и сладко.
Я никому язык не покажу,
Пока не съем всю плитку без остатка,
И пальчики свои не оближу.

Качели

Любой из нас устами пил
Нектар и яд из полной чаши.
Любви и ненависти пыл —
Весна и осень жизни нашей.

Весна. О счастье в небесах.
Поёт пернатых эскадрилья,
А мотыльки на стебельках
Сидят, сомкнув в объятьях крылья.

Любовь способна созидать,
Под шорох трав и птичьи трели.
В который раз природа – мать
Двоих сажает на качели.

Они летят то вверх, то вниз,
Попеременно воспаряя,
Уста, сомкнув, на Парадиз.
То, покидая кущи Рая.

Любовь священный божий дар.
Пред ней бессильна смерть – старуха.
А зла и ненависти жар
Способен лишь нести разруху.

ЯВЬ И СОН

Не разберешь где явь, где сон,
Когда в твоих объятьях Фея.
Понес нас страсти фаэтон
В далекий край царя Морфея.

В плену любовной кабалы,
В пылу несбывшейся надежды
Я рвал гипюр как кандалы,
Освобождая от одежды.

Лежал твой обнажённый стан,
Как будто на пороге Рая,
У ног моих как океан,
Волной могучею играя.

Поднявшись как девятый вал.
Нет ничего на свете краше.
Я всю тебя зацеловал
от педикюра до кудряшек.

Качалось словно на волне
Желанное как воздух тело.
Всё это было, как во сне
и просыпаться не хотелось.

Голубка

Нас гонит век, нельзя остановиться.
Манит в свою заоблачную даль.
Мой лимузин летел вперёд как птица.
Я жал ногой безжалостно педаль.

Была Фортуна у меня в кармане.
Светило солнце, занимался день.
Вдруг в предрассветном утреннем тумане
Передо мной мелькнула, чья то тень.

Визг тормозов, удар из-под капота,
И на щеке невольная слеза.
Голубка – символ мирного полета,
Безжизненно взглянула мне в глаза.

Вот так и ты в моих руках по-птичьи
Лежала, но суровой жизни шквал
Цинично дул, и я эгоистично
Твою любовь как птицу растоптал.

Промчалась жизнь, я на краю могилы.
Уже со мною предки говорят
О вечности, но я забыть не в силах
Твою любовь и голубиный взгляд.

Светило

Есть люди, словно Солнце. Их лучом
Согрета наша грешная планета.
На хрупкое, но сильное плечо
Готовы возложить все ноши света.

Вот так и ты. Души твоей огонь
Пылает. Будто все сиянье мира
Собрала в свою тёплую ладонь,
Сверкая как алмазы и сапфиры.

Как самородок в миллион карат,
Искришься светом, добротой и силой.
Пусть никогда осенний листопад
Не затеняет милое светило.

Земляника

Я цепи и оковы разорву.
Жизнь – это лес, в котором ты гуляешь.
И раздвигая пальцами траву,
Грибочки и коренья собираешь.

Найдя грибочек, прежде чем сорвать,
Ты убедись, что он годится в пищу.
Ты вряд ли сможешь сам себе солгать.
Умеет находить лишь тот, кто ищет.

Ты лег в траву, бродить, уж нету сил,
И в ароматах леса ищешь силу.
Цветок понюхать, если ты решил,
То убедись, что шмель его покинул.

А встретив землянику на пути,
Царь – ягоду ты можешь не бояться.
Сумеешь, если повезёт найти,
И запахом и вкусом наслаждаться.

Забудь про яд, забудь про грусть и ложь.
Когда срываешь ягоду – принцессу,
Ты лучше земляники не найдёшь,
И можешь завершать свой путь по лесу.

Чёрный и белый

Чёрная ночь опускалась на плечи,
Звёзды вокруг танцевали фокстрот.
Сладко – медовые, нежные речи,
Белая простынь – ковёр-самолет

Нас поднимал и кружил над землёю.
Мы далеко уносились в мечтах.
Чёрную книжку писали с тобою,
На белоснежных любимых листках.

Новое – словно итог от слияний.
Чёрное с белым сплетались в венки.
Серый рождался от этих сияний,
И расстился у ласковых ног.

Белое в сером течёт океаном,
Чёрное в сером как капля чернил.
Серый закатным ложился туманом,
А на рассвете он дымкой светил.

Капля испуга присутствует в смелом.
Что-то пятнает доблесть и честь.
В сером есть больше жизни, чем в белом.
Белое вряд ли где ни будь есть.

Пусть будет меньше чёрного цвета,
Белого больше станет у нас.
Серое небо прошедшего лета,
Радует сердце и радует глаз.

Любовь цыганки

Манила я и мне казалось мало,
Что ты испил любовный приворот.
А я в тот миг не знала, не гадала,
Куда меня дорога приведёт.

Ты осторожно обнимал за плечи.
Пьянила нас ночная тишина.
В ушах журчали сладостные речи,
Но я была как льдинка холодна.

Любовь и воля – выбор для цыганки
Непрост. Как для любого из Ромал.
Дворцу с широкой мягкой оттоманкой
Предпочитаю степь и сеновал.

Ты грудь сжимал ладонью вожделенно.
Мне не хотелось молвить: – уходи.
Я стала согреваться постепенно,
И начал таять лёд в моей груди.

Ты целовал мне руки и колени.
Сопротивляться не хватало сил.
Ты тело, разомлевшее на сене,
Как скатерть самобранку расстелил.

В траву летели пёстрые одёжки.
Дурманил нос душистый суходол.
И путаясь в завязках и застёжках,
Ты тело мне усами исколол.

Движениям твоим невольно вторя,
Я таяла как льдинка на песке.
В меня ты погружался, словно в море,
И я в тебе тонула как в реке.

Нас что-то поднимало в поднебесье,
И слышалась среди цветов и трав —
Мелодия какой-то дивной песни,
Диапазоном в тысячу октав.

Сгорала от любви как от пожара.
Пропала воля, честь и жизнь моя.
В твоих руках как звонкая гитара
Романс любви горячей пела я.

Ожидание?

Меню, салфетка, звон бокалов,
Кольцо, признание в первый раз.
Волнуясь, побледнела калла.
Что ждёт – улыбка, иль отказ?

Грудь разрывает от волненья.
В глазах тоска, а в горле ком.
Я весь во власти наважденья.
Ты горизонт, мираж, фантом.

Сгорая сердцем, вожаденно
Стою перед тобой во фронт.
И опускаюсь на колено,
Что бы приблизить горизонт.

Дано ли шаткою судьбою
Согреть тебя во цвете лет?
Иль рок мой быстро стать золою?
Верёвка, мыло, табурет.

Ты улыбнулась, взгляд особый.
Сердца забились в унисон.
Я жив, мой час ещё не пробил.
Неси шампанское, гарсон.

Последняя дорожка

Кукушка заливалась на току.
Мне скорую последнюю дорожку,
Своим коротким жалобным ку-ку,
Накуковала глупая ворожка.

Но мне слова вещуньи не указ.
Не верю в предсказанье глупой птицы.
Нелепы заговоры, порча, сглаз.
Я жив – пока любовь во мне теплится.

Я больше верю трелям соловья
И аисту, парящему над нами.
Ликую – лебединая семья
Сплелась любовно белыми крылами.

Пусть чайки провожают корабли,
А ласточки, галдя, стремятся к свету.
Я счастлив, что курлычут журавли,
И песня лебединая не спета.

Пока не пробил мой последний час,
Я должен бороздить поля и веси.
И я живу, пока парит Пегас,
Расправив гордо крылья в поднебесье.

Страница в книге жизни

Страница в книге жизни – человек.
Тонка она, как розы лепесточки.
А мы с тобою связаны навек,
Мы две страницы одного листочка.

Одна страница – муза для другой
И ярких красок вечное сиянье.
Как звонкий стих весеннею порой,
Ложится на листок любви дыханье.

Его не трудно изорвать в клочки.
Огонь свечи сожжёт неосторожно.
Намочат воды быстрые реки,
Но разделить страницы невозможно.

Как невозможно небо разорвать
И отделить добро от Херувима.
Как полюса магнита не разнять,
Они слились навеки воедино.

Сияет стих как яркая звезда,
Собою, заполняя весь листочек.
Чтоб он не завершился никогда,
В конце хочу поставить трио точек.

Перо жар-птицы

Я хотел бы, чтоб жар-птица
Мне перо дала и чтоб,
Помогла мне обратиться
В твой девичий гардероб.

Я бы девочку родную
Одевал и раздевал.
Я бы шейку дорогую
Чернобуркой обвивал.

Я бы ласковым воланом,
По ручонкам семенил.
Я бы искренним регланом
По плечам твоим скользил.

И тогда бы нас подняла
Птица-жар под облака.
И тебя бы заласкала
Моя нежная рука.

Верю я, что день настанет,
Былью станет этот сон.
Растоплю тебя устами
Под хмельной счастливый стон.

Первый бал

Первый бал, светлый зал,
Первый мой карнавал.
Я стою в уголочке понуро.
Словно девушка чист,
Ждёт избранника лист,
В первой книжке с названьями туров.

Звуки вальса слышны,
И восторга полны,
Мои ясные девичьи очи.
И дрожанием рук,
Этот сказочный звук
Мне блаженство и счастье пророчит.

Вдруг раскат громовой
Прозвучал надо мной.
Вся душа распахнулась как штора.
Мне в глаза заглянул
Молодой есаул,
И приветливо звякнули шпоры.

Скован страхом язык,
Сердце стало на миг.
Стало тесным в груди моё платье.
Реверанс юных ног,

Осторожный кивок.
Миг, и я попадаю в объятия.

Обхватив гибкий стан,
Налетел ураган.
Я упала на сильные руки.
Вылетая из струн,
Музыкальный тайфун,
Закружил под волшебные звуки.

Руки, в пропасть, маня,
Обнимали меня.
Я смотрела в глаза без укора.
Вот закончился круг,
Он отклонялся вдруг.
Всё что сладко – кончается скоро.

Он исчез, как фантом,
Много было потом,
И балов, и объятий, и страсти.
Проносились года,
Но нигде никогда,
Не забыла я первое счастье.

Прекраснейшая роза

Я засыпал в землю семена.
Согревал, берёг их от мороза.
А когда ко мне пришла весна,
Выросла прекраснейшая роза.

Я её лелеял и растил.
Каждым лепесточком восхищался.
Всей душой душистую любил,
И щекой к колючкам прижимался.

Жадно аромат её вдыхал.
Бархатистый стебелёчек гладил.
Но однажды мимо шел нахал,
И сорвал её от скуки ради.

Пару раз понюхал невзначай,
И швырну её на кучу грязи.
Поступил как подлый негодяй,
А не просто с травкой напроказил.

Для меня был нежный аромат —
Для него шипами обернулся.
Вдруг передо мной растаял мрак.
Появился свет и я проснулся.

Как я рад, что это был лишь сон.
Мой цветок ко мне листочки тянет.
Пусть всегда на клумбе будет он.
Будет, и вовеки не завянет.

Я жду тебя

Я жду тебя, я весь приник к рулю.
Скучая, по кабине распластался.
Жду женщину, которую люблю.
С которой пять минут тому расстался.

За эти пять минуток с небольшим,
Что я сижу один, без женской ласки,
Растают грозы, растворится дым,
И ты преобразишься, словно в сказке.

Была в халате, нежно голубом,
Домашней самой и любимой самой.
Как гордая лебёдка над прудом,
Предстанешь предо мной прекрасной дамой.

В чём выйдешь ты, сейчас мне невдомёк.
А мне всегда чего-то было мало.
Готов пройти я тысячу дорог,
И, чтоб на каждой ты меня встречала.

Два голубя

Два голубя воркуют в небесах,
Они забыли обо всем на свете.
И мир для них в сиреневых мечтах.
Лучист, отраден, радостен и светел.

Они парят бесшумно, чуть дыша,
А на земле лишь тень их пробегает.
Вот взмах и снова, крыльями шурша,
В который раз друг к другу подлетают.

Взглянут в глаза и снова далеко.
Взмахнут легко крылом и снова рядом.
Беззвучно, нежно, пламенно, легко,
Пьянящим друг на друга смотрят взглядом.

Где сможете спокойно ворковать?
О мире думать, о любви о мае.
Кто сможет вам голубкам пожелать,
Чтоб никогда вы осени не знали?

Пусть вечно светит Солнце в синеве,
И нежными лучами всё ласкает.
Вы с радостью своей наедине.
И пусть Светило счастья пожелает.

В океане зла

Добро как остров в океане зла.
Его мы постоянно открываем,
Найдя его на кончике пера.
Он очень мал, почти необитаем.

Он сказочен, на нем цветут сады,
А в них плоды, желанием налиты.
И чистые, прозрачные пруды,
Там Солнце круглый год стоит в зените.

Ему не страшен приворот и сглаз,
Ведь жители его невзгод не знают.
На нем не ищут золото и газ,
И сапоги злодея не ступали.

О нем не знает плут, или гордец.
Его не видно, но он есть на свете.
Он состоит из тысячи сердец,
Которые любовью, счастьем светят.

Не встретишь там измены на пути.
В добро всегда открыта людям дверца.
Коль хочешь это островок найти,
Открой его в своем горячем сердце.

Молоденькая тучка

Плыла по небу, не спеша,
Молоденькая тучка.
И Солнце, пламенем дыша,
Взяло её под ручку.

И, крепко тучку полюбив,
По небу покатилося.
Она же, Солнышко, закрыв,
В лучах его светилась.

И нежно тучку подтопил,
Шар огненный как грёзы.
На землю вешнюю пролил,
Как дождь девичьи слёзы.

СВЯЗЬ ВЕКОВ

Рождение

В момент рожденья акушерка нам,
Умело пуповину обрезает.
Но с тёплым сердцем наших милых мам,
Незримо что-то нас соединяет.

Дает нам пищу многие года,
И наполняет наше тело кровью.
И эта связь не рвётся никогда,
Теплом нас, одаряя и любовью.

А что мы матерям взамен даём?
Что мы по пуповине возвращаем?
Невзгоды, грусть, печаль свою несём.
Мы кровь свою и душу очищаем.

Но это понимаем лишь тогда,
Когда протянем пуповину к детям.
Когда зажжётся сердце как звезда,
И путь в ночи кому-нибудь осветит.

И если на себе мы круг замкнём,

То нас любая неудача минет.
Лишь на краю могилы мы поймём,
Что связь веков течет по пуповине.

Жёлтая луна

Светила в небе желтая луна,
Я в сумерках сидел с тобою рядом.
Нам пела песни ранняя весна,
К твоим устам я прижимался взглядом.

Луна, стыдясь невольной наготы,
Прикрылась золотыми облаками.
Я опьянел от нежной теплоты,
И до тебя дотронулся губами.

Амуры закружились возле нас,
И в миг свои тетивы натянули,
С твоих прекрасных и невинных глаз,
Мои уста на губы соскользнули.

В моих объятьях трепетала ты,
Сердец колокола в набатом били.
Шуршали придорожные листья,
Амуры свои стрелы запустили.

Они в сердца неистово впились.
Пронзило сердце сладкая истома.
Мы в поцелуе искреннем слились,
Не видя молний и не слыша грома.

В пылу любви стеснение позабыв,
Луна свои откинула одежды.
И в эту ночь, любовь нам, подарив,
Вселила в нас и веру и надежду.

Вдруг озарила комнату луна,
И вырвала нас из объятий ночи.
Ты предо мной лежишь, обнажена,
Обласкана, до самых ноготочков.

Ты крепко спала в этот сладкий час.
Тобою любовался в лунном свете.
Весна кончалась, отдавая нас,
Мечтам о золотом и знойном лете.

В стране глухих

Не просто жить в стране глухих,
Тем более, грустней поэту.
Про Солнышко читаешь стих,
А людям наплевать на это.

И, кажется, весь мир оглох,
Под колпаком понятий мнимых.
Не слышат стоны царь и Бог.
Мы слышим лишь себя любимых.

Своих детей не слышит мать,
А матерям не внемлют дети.
Умеем лишь хотеть и брать,
Но так легко покончить с этим.

Будь чуть умнее глухарей.
И выбрось в мусорку бируши.
Услышь сердца других людей,
И мир тебе откроет уши.

Одинокaя берёзa

По стеклу стекают слёзы,
Небо плачет в октябре.
Одинокaя берёзa
Загрустила во дворе.

Листья лёгкие как птица
Мягким пухом и пером,
Будут под ноги ложиться
Позолоченным ковром.

Тень от кроны на крылечко
Проберётся на заре.
Вот ещё одно колечко
Появилось на коре.

Злой судьбы суровый ветер
Может листья унести.
Отгони печаль о лете,
И о вёснах не грусти.

Ты не думай про морозы.
Осень – жизни не конец.
Пусть ложатся на берёзу
Много радостных колец.

Свалка

Кто любит нас тому так больно,
Когда на раны сыплем соль.
Мы матерям своим невольно,
Рождаясь, причиняем боль.

Свою любимую игрушку
Случалось невзначай сломать.
Забавной плюшевой зверушке
За чем-то лапу оторвать.

Любимых иногда ломаем,
Пытаясь взять их под каблук.
А после с грустью замечаем,
Что всё поломано вокруг.

Нам душ своих совсем не жалко.
Всё лучшее идёт на слом.
Мы сами превращаем в свалку
Свои сердца и отчий дом.

Наша половина

По горам и по долинам
Где-то рядышком подчас
Ходит наша половина,
И найти мечтает нас.

Повезёт тому, кто встретит,
И поймёт, хоть раз узрев,
Что другой такой на свете
Не найти средь сотен дев.

Без неё свеча – огарок.
Даже Херувим бескрыл.
Толщей лет, приветив старость,
Почитай совсем не жил.

От венчания, до тризны
Повстречавшись, как в раю
Проживёте по две жизни:
– жизнь её и жизнь свою.

Вкус плодов

Прекрасен нежный первоцвет.
И аромат цветов вдыхая,
Мы собираем их в букет,
Порой с корнями вырывая.

Потом цинично сапогом
Букеты топчем. Нет нам дела,
Что каждый мог бы стать плодом,
А плод мы тоже рвём неспелый.

Не слышен нам цветочный стон.
Мы не готовы к ожиданию,
Пока раскроется бутон,
Даря нам счастье созерцания.

Мне жизнь преподала урок:
– нектар цветочный пить приятно,
Но как бы не был сладок сок —
Плоды сочнее многократно.

Лестница жизни

По жизни, как по каменным ступеням
Неторопливой поступью идём.
Промчалось лето, и уже осенним,
Слезится небо золотым дождём.

Что это – слёзы счастья, или горя?
Непросто разглядеть издалека.
Жизнь широка и глубока, как море,
Длинна, как полноводная река.

А мы идём по мокрому граниту.
То вверх, то вниз – наш грешный мир таков.
Но никогда богиню Афродиту
Мы не заменим на других богов.

Нам без неё не жить на этом свете.
Хоть падает на лоб седая прядь.
Пока дуэтом мы поём о лете
Нас осенью непросто напугать.

Открытая клетка

Тонкий луч скользил по лбу,
По бровям и по ресницам.
Ты вошла в мою судьбу,
Как подстреленная птица.

Я лечил твоё крыло,
Распахнув Амурам сердце.
Что-то тёплое вошло,
В не захлопнутую дверцу.

Только тесно в клетке нам,
Хоть дают пшено и воду.
Слёзы лились по щекам —
Ты стремилась на свободу.

Двери я не запираю,
Но тебя душила клетка.
Снился бал и карнавал,
Снилось небо, снилась ветка.

Над землёй парит душа.
Ты теперь уже другая,
И всё так же хороша.
Только клеть твоя пустая.

Обращаем сердце в прах,
Мы в мечтах о Синей птице.
И витаем в облаках
Не довольствуясь синицей.

Март

Покрылось небо тучами уныло.
Слезился за окошком месяц март.
Ты так мне сильно голову вскружила,
Что не помог ни бром, ни авокард.

Налилось сердце сладкими мечтами,
Наполнив грудь, дыханье затруднив.
Прикосновенье нежными устами,
Напомнило, что я любим и жив.

Тут словно в небе расступились тучи.
Взлетели наши взоры к небесам.
И мартовского солнца робкий лучик,
Скользнул по непослушным волосам.

Наполнив душу радостью до края,
Еще мгновенье, у зимы украв,
Весна, в права уверенно вступая,
Дарила аромат душистых трав.

Душистыми назвали их не даром —
У первых трав, конечно, есть душа.
Июльским не иссушенная жаром,
Как девушка – невинна и свежа.

Журча, стекая ласковым потоком,
Ты как травинка проросла во мне.
Горящий шар вздымался на востоке,
Назло холодной ночи и зиме.

Я дарю тебе надежду

Я дарю тебе надежду,
Веру в солнечное лето.
Ветерок пьянящий, нежный,
Сноп чарующего света.

Шёпот волн у ног любимой,
Что играет и ласкает.
Сладость слов произносимых,
От которых дух сперает.

Я хочу тебе в подарок,
Поднести все краски мира.
Что бы на тебя загаром,
Солнце падало игриво.

И тогда, прогнав невзгоды,
О болезнях забывая,
Окунешься в моря волны,
Брызги, в небо поднимая.

И никто тебя от счастья,
Отлучить уже не сможет.
Словно первое причастье —
Вера и любовь все может.

Я готов бетон поцеловать

Я готов бетон, поцеловать,
На котором лайнер приземлился.
Снизошла земная благодать,
И как будто мне Христос явился.

В этот раз предстал он предо мной,
В голубом, цветастом нежном платье.
Обратился любящей женой,
Заклучил в горячие объятья.

Я к устам твоим прильну любя,
И к щеке твоей приникну весь я.
Как я рад, что вновь моя семья,
Снизошла ко мне из поднебесья.

Ожидание весны

Предновогодняя пора,
Забудем про беду.
Двенадцать братьев у костра.
Я в гости к ним приду.

Я попрошу их в эту ночь,
От робости краснея:
– Вы не откажетесь помочь,
Несчастному еврею?

Пусть снова к нам придет весна,
Пора мечтаний нежных.
Пусть все пробудится от сна,
И расцветет подснежник.

Зеркало

Я в тебя как в зеркало смотрю
И другого зеркала не надо.
В нем я вижу вешнюю зарю,
Счастье, нежность, верность и отраду.

В нем я вижу синеву небес,
Яркость Солнца и морскую негу.
Пахнущий озоном летний лес,
Белизну ноябрьского снега.

На себя всегда со стороны,
Я смотрю любимыми глазами.
Чувствую дыхание весны
Терпкими и влажными устами.

Пусть оно сверкает как звезда,
Как искра, как золотая рыбка.
Пусть на этом зеркале всегда,
Вижу я лишь счастье и улыбку.

Умение любить

Чтоб женщину любимую раздеть,
Однажды нужно силы приложить.
Достаточно хоть раз ей овладеть,
И можешь с ней, потом спокойно жить.

Ты можешь к ней являться без цветов,
Хватать, где хочешь грубо, как нахал.
Ты можешь не рассказывать ей снов,
И исполнять любовный ритуал.

Коль не умеешь – не берись любить,
Но не мешало бы тебе узнать,
Что сколько раз ты с ней захочешь быть,
Придется столько раз завоевать.

Покой любимой

Ты прилегла, прикрывшись простыней,
Любуюсь я украдкою тобою.
Не хочется нарушить твой покой,
Я от тебя свои желанья скрою.

Под простыней не спрятаться тебе.
Я мысленно ее с тебя срываю.
Твои холмы как рок в моей судьбе,
И я на них покоится, мечтаю.

Мечтаю простынь в клочья изорвать,
А если в платье, изорву и платье.
Мечтаю обнажить тебя, распяты,
И нежно обнимать твое распяты.

Как змей желаю яблоко сорвать.
Заветный плод мифического древа.
В грехах земных ты будешь утопать,
В моих мечтах, моя святая дева.

Мечтаю залюбить и растоптать,
И тело целовать твое и душу.
Могу о многом грезить и мечтать,
Но никогда покой твой не нарушу.

Лук и стрела

Ты словно лук, а я твоя стрела,
Мне без тебя и метра не прожить.
А вместе можем подстрелить орла,
И сокола на небе подстрелить.

Как сладко к луку гибкому прильнуть,
И в шелковистой тетиве забыться.
Её неторопливо натянуть,
И с резким свистом в поднебесье взвиться.

Я с легкостью врезаюсь в облака,
Забыв про расставанье и разлуку.
Вдруг путь-дорога станет, не легка.
Мне хочется лететь к земле и луку.

Пусть это продолжается века.
Пусть лук мой не ломается, а гнется,
И стрелы выпускает в облака.
Кто знал тетиву, к ней всегда вернется.

Парусник в океане

Ты словно парусник в огромном океане.
Я босиком на палубу ступлю.
Смету тебя в каюту, как цунами,
И прикоснусь к тому, что так люблю.

Порыв любви, как ветром пораженный,
Твой парус – платье вздернет к небесам.
Прижмусь невольно к мачте обнаженной,
И нежно прикоснусь к твоим глазам.

Пусть твой штурвал мне обожжёт ладони.
Сирена, словно рында прозвучит.
И шум волны померкнет в сладком стоне,
А легкий бриз мои уста простит.

Нет ничего прекрасней мачты этой,
Пусть я на шторм и качку обречён.
Я в море волн и океане света,
С моей любимой яхтой обручён.

Твой сон

Ты спишь, и я стараюсь не тревожить.
Твой сладкий сон нарушить не хочу.
Воспоминанья чувства могут множить.
Мне грёзы и страданья по плечу.

Ландшафт твой милый скрыт под простынею,
Но он меня волнует и манит.
Я помню, как стремился к водопою,
Который нынче не бурлит, а спит.

Вот холм, в который я люблю уткнуться.
Вот косогоры, вечно хороши.
Вот водоём, в который окунуться,
Всегда мне было праздником души.

А вот под этим кустиком любимым,
Я сладкую чернику собирал.
От аромата нежного малины,
Я сам кустом и косогором стал.

Холмы вздымались медленно и мерно,
И приглушали шум и птичий крик.
От счастья я и сам вздремнул, наверно.
И, вдруг настал, рассвета дивный миг.

Ресницы дрогнули, два серых водоема,
Открылись мне, и в дивной тишине,
Пещера губ меня сразила громом.
И заискрился жемчуг по весне.

И я припал к источнику святому,
И начал воду пить из родника.
Я погрузился в негу и истому.
Ожило Солнце, небо и река.

Предельно возрастало напряженье.
Все заиграло под моей рукой.
И в этот миг прошло землетрясенье.
Блаженство наступило и покой.

И зажурчал ручей, запели птицы.
Земля издала незаметный стон.
Медвяный пар над пропастью клубится,
Ты снова погрузилась в сладкий сон.

Маленькая пчелка

Ты как маленькая пчёлка,
Предо мной течёшь рекой.
Я рукой откину чёлку,
Проведу по лбу рукой.

И из губ твоих медовых,
Буду пить цветочный дар.
И твоих желаний новых,
И любви твоей нектар.

Я, мечтая о полётах,
Весь свой сок тебе отдам.
И тогда в пчелиных сотах,
Будет места мало нам.

И в тебе как воск растает,
Сладкокрылый твой кумир,
Опылит и приласкает,
И медовым станет мир.

Нетленный алмаз

Украшений видел много,
В золотой оправе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.